

Яницкий О. Н.

ВОЛОНТЁРЫ: ГРАЖДАНСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ¹

Яницкий Олег Николаевич –
доктор философских наук, профессор,
руководитель сектора
социально-экологических исследований
Института социологии РАН
E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru
Тел.: +7 (499)128 86 76

Аннотация. В статье рассматриваются истоки, виды и характер добровольческого (волонтёрского) движения. Вводится разделение на гражданских и (про) государственных добровольцев, выявляются основные виды их деятельности, анализируется роль добровольцев в производстве социально-экологического знания и политических процессах.

Ключевые слова: добровольчество, волонтёры гражданские и государственные, виды их деятельности.

Введение

Я предпочитаю использовать термины, привычные для русского языка: доброволец, добровольчество, потому что они более точно (и понятно) отражают смысл и суть действий этих фигур и общественных движений: эти субъекты действуют по доброй, то есть по своей воле, свободно. Когда в 1960-х гг. прошлого века в мире разворачивалось «Движение за мир во всём мире», оно не только в СССР, но и за рубежом именовалось именно как *движение людей доброй воли*. Это было массовое движение, и, я думаю, не случайно, что позже западные социологи и политологи предпочли использовать для них более нейтральный (и политически безопасный) термин «волонтёр», поскольку он отражал деятельность не масс, но единиц, «свободных индивидов». Так что в замене термина *доброволец* и добровольчество как субъектов широкого общественного движения, самоорганизующегося и выдвигающего соб-

¹ Благодарю проф. С. А. Кравченко за ценные замечания к первоначальному варианту этой статьи.

ственные цели, на термин «*волонтёр*», имеющий, как мы увидим ниже, самую разную социальную природу, морально-этическую окраску и политическую направленность, был заложен глубокий политический смысл.

В принципе добровольцем может стать каждый гражданин, к какой бы социальной страте общества они ни принадлежал. И в царской России, и за рубежом были члены царской (монаршей) фамилии, которые не только добровольно оставляли свой высокий социальный статус, но сознательно отдавали себя делу помощи нуждающимся и страждущим. Такими же добровольцами по своему духу и устремлениям были великие русские путешественники и следопыты (В. Беринг, Н. Н. Миклухо-Маклай, В. А. Рusanов и многие другие). Добровольцем были Джузеппе Гарибальди и великая подвижница мать Тереза. Так что при определении данного термина дело не в социальном статусе или классовой принадлежности добровольца, но в первую очередь в его ценностном самоопределении, ставящем общее благо (будь то наука, отдельный народ или вся страна) выше своих личных устремлений. Возможно, русский народ обладал тогда большей пассионарностью, хотя пассионарные фигуры, стремящиеся творить добро и отстаивать права обездоленных и угнетаемых в любой точке земного шара и при любых обстоятельствах, были и есть во всём мире. Вышедший на экраны страны в 1958 г. фильм «Добровольцы», повествовавший о романтизме и героизме молодёжи Страны Советов в период, начиная с первых лет её индустриализации (1930-х гг.) и до хрущёвской «оттепели» (конец 1950-х – начало 1960-х гг.), вошёл в золотой фонд мирового киноискусства именно потому, что отражал эту пассионарность.

Конечно, между терминами «доброволец» и «волонтёр» нет непереходимой грани. Но, тем не менее, первый термин более «пассионарен» (заметим, что пассионарность индивида не противоречит его целенаправленному действию), тогда как второй более рационален.

К истории вопроса

Данный термин пришёл к нам с Запада в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Волонтёры – термин заимствованный, «калька» с английского. А в социально-ориентированной и художественной литературе был принят другой термин: добровольчество (см. А. И. Герцен, И. С. Тургенев и др.). Тогда русские патриоты

сражались вместе с Дж. Гарибальди, участвовали в борьбе против англичан в антиколониальной англо-бурской войне, а ещё раньше — в войне 1812 года [Жилин, 1968]. И в XIX веке, и в 1990-х гг. русские добровольцы помогали сербам в их борьбе против европейского колониализма и неоколониализма. Представляется, однако, что корни русского добровольчества ещё глубже: они были заложены крестьянской культурой XIX века, когда появилось понятие крестьянского «мира» (решить проблему всем миром). В начале XX века (1918-22 гг.) в ходе гражданской войны на юге России сформировалась добровольческая армия. Добровольческое или Белое движение выступало тогда под лозунгом «За единую и неделимую Россию». Сегодня этот лозунг становится всё более актуальным. Вот что писал генерал Л. Г. Корнилов в своём воззвании к только что сформированному добровольческому движению: «Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — её народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную свою волю» [Деникин, 2005: 141]. Лидером его стал генерал Антон Иванович Деникин (1872-1947), которого писатель И. Шмелёв называл «бедным рыцарем», на щите которого были начертаны три слова: Бог, Россия, Свобода. Он полагал устройство будущей России на основе веры, свободы, права, братства и равенства [Шмелёв, 2005: 293-295].

Православная церковь немало способствовала созданию института сестёр милосердия и других добровольческих формирований. В начале Великой отечественной войны (1941-45 гг.) добровольные воинские формирования помогли отстоять Москву и Ленинград. Это уже другой — организованный — вид добровольчества. Однако мотивы у него были те же, что и у самостийных крестьянских и партизанских добровольческих формирований, возникших в ходе Отечественной войны 1812 г. [Богданович, 2012].

Всякая несправедливость, притеснение, унижение, а тем более революционная ситуация, как это было в России перед и после двух революций (1905-07 и 1917 гг.) вызвали активизацию формирований. Одни из них были направлены на защиту прав граждан (и тех, кто им противостоял), другие выполняли функции социальной защиты граждан или же были просветительскими в широком смысле этого слова.

Постепенно произошёл сдвиг от военного (военизированного) добровольчества в сторону добровольческой деятельности как разновидности социальной работы, в том числе с пострадавшими в ходе природных и техногенных катастроф, а также с лежачими больными, престарелыми и душевнобольными. Как отмечается в литературе, в современной психиатрии всё большее распространение получает «психиатрия с опорой на общество». Так, если сравнить характер и результаты работы членов общественной организации «ОренПсоПси» при Оренбургской областной клинической больнице

№ 1, а также клуба «Радуга» (расшифровывается как Развитие, Движение, Гармония) [Антохин и др., 2011] с результатами наших собственных многолетних исследований студенческого природоохранного движения в СССР/России [Яницкий, 1996, 2014], то мы обнаружим, что в принципах и направленности их работы есть много общего. И там и здесь, с одной стороны, студенты обретали дополнительные профессиональные и практические навыки, а с другой — душевнобольные получали серьёзную внебольничную помощь. И в том, и в другом случае больные быстрее реабилитируются. Или, во всяком случае, получают постоянную морально-психологическую поддержку [Антохин и др., 2014].

Можно сделать общий предварительный вывод: всякий вид социальной практики, включая социально-политические или военные конфликты, неизбежно сопровождается формированием и вовлечением в них добровольческих формирований. В каждой массовой кампании, будь то «Оккупируй Уолл-Стрит» в США и «Оккупируй Абая» в России в 2011-12 гг. или Евромайдан в Киеве зимой 2014 г., участвовали незаметные добровольные помощники, принося митингующим горячий чай, еду, тёплые вещи, лекарства, или помогая эвакуировать заболевших или раненых и т. д. Но они не являются добровольцами в строгом смысле этого слова.

Ключевые признаки добровольчества именно как общественного движения — это *его нацеленность на сохранение и умножение общего блага, а также бескорыстность, самоотверженность и самоорганизация* (или то, что в прошлом называли *подвижничеством*). Такое определение добровольчества гораздо шире, чем определение волонтерства как некоторой полезной деятельности на общественных началах. К сожалению, сегодня российская социология всё больше склоняется к троеперстному позитивистскому знамени: «да», «нет», «затрудняюсь ответить» и затем — к бесконечному, всё более изощрённому вычислению процентного соотношения согласных и не согласных. Для понимания феномена добровольчества этот путь — тупиковый! Без фактора морально-этической мотивации этого рода гражданской активности, без понятий сострадания, эмпатии и чувства личной ответственности за судьбу притесняемых и страждущих здесь не обойтись. Это ли — не истинный человеческий капитал, без изучения которого исследователь феномена добровольчества просто не может обойтись?

Другой вывод политический. Он заключается в том, что чем жёстче политическая система, чем более она авторитарна и, тем более, тоталитарна, тем больше любые добровольческие формиро-

вания подчиняются её диктату, становясь, по выражению И. Сталина, «приводными ремнями» этой системы. И, наоборот: чем эта система демократичней, чем больше она делегирует социально-политические и управленческие функции гражданскому обществу, тем выше уровень самоорганизации этих добровольческих формирований. Это не означает их де-профессионализации. Напротив, эти формирования, имея возможность вступать в самые разные контакты с организациями и отдельными специалистами по собственному выбору, повышают свой социальный капитал, который — и это принципиальный пункт — становится междисциплинарным и межсекторальным. Иными словами, он производится в сетях взаимодействия обеспокоенных и равнодушных. Таким образом, получаются два полярных типа этих организаций, которые я назвал гражданскими и государственными волонтерами. А между ними находится множество смешанных типов.

Теоретические основания анализа проблемы

Основатель русского анархизма Пётр Кропоткин (вопреки внедряемому сегодня в сознание молодёжи мнению, что анархизм — это почти синоним экстремизма) в работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» ставил на первый план *механизмы сотрудничества и кооперации*, которые невозможны без *взаимного доверия*. Понятие добровольчества восходит к извечным представлениям человечества о добре и зле. Иными словам, как писал он, «на какой бы низкой ступени умственного развития ни стоял человек, ... он всё-таки считает *добром то, что полезно обществу, в котором он живёт, и злом то, что вредно этому обществу*» (курсив Кропоткина — О. Я.) [Кропоткин, 1991: 295].

Категория доверия здесь играет ключевую роль. Она представляет собой ключевой концепт для объяснения, почему одни типы социальных связей более важны для индивидуального участия в движении, чем другие. Ф. Фукуяма полагал, что доверие является связующим звеном между различными уровнями взаимодействия социальных акторов: межличностным, корпоративным и государственным [Фукуяма, 2004].

Сегодня у нас, пользуясь выражением Р. Мертона, некогда отнесённым им к американской культуре, «деньги считаются самоценными независимо от того, используются ли они для потребления или же для увеличения могущества. Особенно хорошо деньги приспособлены для того, чтобы стать символом престижа» [Мертон, 1992: 121]. То есть деньги — это основной социальный капитал и ресурс. Ресурс, противоположный доверию. У добровольцев иной социальный ресурс: не количество денег, а удовлетворение, чувство своей причастности и исполненного долга. По Р. Мертому, существует пять основных форм приспособления индивида к обществу и его

ценностной структуре: конформность, инновация, ритуализм, ретризм и мятеж [Мертон, 1992: 105]. Мертон, анализируя американскую культуру индивидуализма, полагал, что для инноваторов характерно акцентирование «денежного успеха». [Мертон, 1992: 110]. В отношении добровольцев использование подобной трактовки данного понятия весьма проблематично. Для них «инновация» (и одновременно «успех») означают совсем другое: преодоление конформизма и ритуализма — *инновацией для них является их коллективный (солидарный) успех в деле минимизации рисков для людей и во вкладе в общее благо*. Добровольцы — спасатели «других», будь то жизнь и здоровье людей или их имущество.

Но, наверное, самое главное — это целостный (междисциплинарный, межорганизационный) подход к проблеме добровольчества как к «интегрирующей» деятельности. В 1958 г. П. Сорокин ввёл понятие «суперорганической культуры». Миллионы смыслов, выработанных человеческой историей, «накладываются на человеческий организм посредством суперорганической культуры». В этом, как пишет П. Сорокин, проявляется специфическая природа культурных или суперорганических явлений и удивительная роль «смысла» «в превращении биологических явлений в нечто, совершенно отличное от их биологической и физической природы» [Сорокин, 1992: 135].

Индивидуальный, смешанный, организованный тип добровольчества

Как только СССР освободился от гнёта тоталитаризма и началась, хотя и очень медленно, демократизация общественно-политической жизни, на первое место вышли одновременно индивидуальный и смешанный типы добровольчества. Индивидуальный, потому что вот уже более полувека СССР/Россия никак не могут похоронить своих сынов и дочерей, исчезнувших в годы сталинских репрессий и Великой отечественной войны. *Поиск без вести пропавших* — основной лейтмотив индивидуальных и смешанных добровольческих инициатив. Это и индивидуальные инициативы, подобные программе «Найти человека», которую вела в течение 1965-74 гг. поэтесса Агния Барто [Барто, 1969]. В результате почти 900 семей смогли вновь обрести своих родных и близких. То, что сделала поэтесса, было не под силу даже самым мощным международным организациям, таким как Красный Крест, потому что

помимо этих семей, А. Барто помогла возродить миллионам людей чувства *сострадания* и *ответственности за чужое горе*, безжалостно вытравленных из сознания миллионов советских людей в годы тоталитаризма. Или работа по поиску пропавших без вести в годы войны, которую много лет вёл известный писатель, историк, публицист и телеведущий С. С. Смирнов (1915-1976 гг.). Или, уже популярная в наше время, телепрограмма «Жди меня», которую в течение многих лет вёл выдающийся актёр Игорь Кваша. Личность стояла во главе этих и им подобных организованных и поддержанных государством дел — вот что здесь принципиально важно.

Организованный тип добровольчества был представлен в Советской России так называемым «оргнабором». Государство, эксплуатируя патриотические чувства своих граждан (которые оно же в них с малолетства и воспитывало путём практически тотального их вовлечения в пионерские и комсомольские организации), периодически призывало их организованно строить социализм, а потом и коммунизм (так они и назывались «Великие стройки коммунизма»). В те времена иерархия ценностей была выстроена таким образом, что ехать на эти стройки в Сибирь и на Дальний Восток было почётно. Радио, кино и телевидение не скупилось на пропаганду такого добровольчества. Собственно говоря, тогда и был снят фильм «Добровольцы». Не случайно в те времена родился термин «добровольно-обязательно», отражавший господствовавшую тогда политику кнута и пряника. Если представить их как полюса дихотомии, то на одном из них будут гражданские инициативы, а на другом — государственные.

Гражданские и государственные добровольческие организации

Я предлагаю разделить все добровольческие организации на два типа: гражданские и государственные. Собственно говоря, такое разделение уже произошло на самом деле. Ниже приводятся их некоторые характеристики, основанные на изучении литературы и эмпирических исследований.

Гражданские волонтеры:

- это люди, лично мотивированные на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи;
- ставящие интересы отдельных людей и групп выше своих собственных;
- здоровые и физически хорошо подготовленные к действиям в экстремальных ситуациях;

- обладающие необходимой амуницией и умеющие ориентироваться на местности;
- включённые в социальные сети и умеющие ими пользоваться;
- обладающие минимумом знаний в области практической медицины, психологии и других сфер деятельности;
- накапливающие и распространяющие в сетях практические знания о том, как наиболее быстро и эффективно оказать помощь тем, кто в ней нуждается;
- коммуникабельные, быстро обучающиеся на месте (*learning by doing*);
- обладающие организационными и логистическими знаниями, применимыми в самых различных жизненных ситуациях;
- умеющие добывать нужные ресурсы и обмениваться ими;
- умеющие быстро переключаться с обыденной жизни на действия в критических обстоятельствах;
- обладающие навыками самоорганизации в критических условиях;

Государственные волонтёры:

- мотивированные государством идеологически, статусно и материально;
- они — исполнители чужой воли или приказа (перед каждым массовым мероприятием они проходят специальный инструктаж), то есть выполняют охранительные и организационные функции;
- включённые, как правило, в государственно-ориентированные и их субсидирующие организации; (экипировка и другие ресурсы предоставляются им государственными структурами);
- они — «организованная массовка»;
- их главный принцип действия — не самоорганизация, а выполнение инструкций;
- их коммуникабельность носит вертикальный характер, она ограничена предписанными им «сверху» задачами;
- они не умеют быстро переключаться с обыденной жизни на самостоятельные действия в критических обстоятельствах;
- самообучение в ходе практического действия минимальное (оно им не нужно);
- к деятельности в критических обстоятельствах они практически не привлекаются.

Тот факт, что у Министерства по чрезвычайным ситуациям есть добровольные помощники, начиная от добровольных пожарных и кончая священнослужителями, это нормально. Главное, чтобы они не остались единственными в стране добровольцами.

Примером волонтерства второго типа является команда волонтеров, работавшая на XXVII Всемирной летней Универсиаде 2013 г. в Казани, где под руководством Департамента работы с молодежью Дирекции Универсиады трудились 150 специально подготовленных волонтеров. Эти же волонтеры являлись участниками республиканского проекта «Кадровый резерв», в который входили лидеры студенческих организаций и их активисты, прошедшие тренинг [Дирекция Универсиады, 2013]. Обучение волонтеров было направлено на «формирование команды» (волонтеров), проработку ключевых моментов работы по управлению волонтерами во время игр, на изучение соответствующих инструкций и правил». С волонтерами работали специальные менеджеры, «ответственные за их мотивацию». В ходе самой Универсиады часть вопросов волонтеры решали сами, а когда это было невозможно, они обращались к менеджерам. Как написала автор статьи, мы приобрели «неоценимый опыт управления персоналом» [Шакирова, 2013]. С волонтерами заключались трудовые контракты. Судя по тексту статьи, её автор была в числе этих 150 «руководящих» волонтеров, уже имевших большой опыт работы с волонтерами-новичками, поскольку во время открытия и закрытия Универсиады на объекте находились свыше 2 тыс. волонтеров.

Таким образом, можно заключить, что государственные волонтеры *нового* (и тем более, социально-экологического) *знания не производят*, поскольку их задачи сводятся к выполнению инструкций по поддержанию порядка. Этот тип волонтеров приобретает опыт практического управления людскими потоками.

Основные виды целеполагания

Первый и наиболее распространённый вид – это «поисковик». Как отмечалось выше, спустя почти 70-ти лет после окончания Великой отечественной войны и более 80-ти лет после массовых репрессий мы всё ещё продолжаем искать без вести пропавших. Однако, начиная с 1990-х гг., к ним ежегодно прибавляется по разным подсчётам от 70 до 100 тыс. пропавших людей. 300 человек пропадает без следа ежедневно.

Второй, растущий по численности тип – это «спасатели». В России множится количество природных и техногенных катастроф с человеческими жертвами. В связи с этим в последнее десятилетие возникло множество сетевых организаций спасателей, которые по окончании процесса ликвидации

последствий катастроф не распадаются, а (частично) трансформируются в НКО и благотворительные организации. Например, Доктор Лиза или «Лиза Алерт». Так, «Лиза Алерт» – это добровольческий отряд (официальное название: поисковый спасательный отряд, ПСО), занимающийся по преимуществу поиском пропавших стариков, лиц с нарушенной психикой и детей в Москве и Московской области. Сегодня отряд имеет подразделения в 10 регионах страны. Работа построена на принципах доброй воли, взаимной выручки и бескорыстия [Отряд..., 2014].

По логике третьим видом должен был бы быть «реабилитант», то есть человек, способствующий реабилитации тех, кто находится в маргинальном состоянии после катастрофы. Однако, как правило, эта функция перекладывается на плечи местных медицинских учреждений и социальных служб, которые не всегда могут оказать надлежащую посткатастрофную медицинскую или психологическую помощь.

Можно ли считать реабилитантами тех, кто систематически занимается благотворительностью, например, фандрайзингом для больных детей и взрослых? На мой взгляд, можно. Таким является, например, Негосударственный благотворительный фонд «Подари жизнь», оказывающий помощь детям с онкологическими, гематологическими и другими тяжёлыми заболеваниями. В подобных негосударственных фондах нужны люди, обладающие навыками пиара и фандрайзинга.

Четвёртый вид – это «общественники», занимающиеся защитой прав и свобод человека. Они трудятся в самых разных областях, начиная от предоставления юридической помощи гражданам и до защиты здоровья и прав солдат срочной службы. В последнем случае наиболее авторитетной и мощной организацией является Союз солдатских матерей. Он осуществляет гражданский контроль в части соблюдения прав человека в вооружённых силах, а также правовую поддержку и защиту призывников и военнослужащих.

Последний, наиболее сложный и ответственный вид – это «ухаживающие», то есть волонтеры в госпиталях, больницах (в том числе психиатрических), домах престарелых, хосписах, а также волонтеры, обслуживающие престарелых и лежащих больных на дому. В принципе это должны быть социальные работники, но их как всегда не хватает, а квалификация и человеческие качества оставляют желать много лучшего. «Ухаживающие», помимо хорошей физической подготовки и здоровой психики, должны обладать множеством профессиональных навыков и челове-

ских качеств, чтобы помочь страждущим, а не навредить им. Это не разовая работа, как у «поисковиков» (чаще всего на природе и в хорошей компании единомышленников), а тяжёлый физически и психически *повседневный труд*. Поэтому здоровые и вполне порядочные люди всё же, как правило, стремятся избегать подобного вида волонтерства, предпочитая заплатить, нежели что-то делать самому, поскольку они знают, что такой труд, в конечном счёте, подрывает их здоровье и сокращает жизнь. Или же это государственные «волонтеры», чья работа в подобных больницах и учреждениях представляет собой род альтернативной военной службы, то есть труд не добровольный, а принудительный.

Во всех этих видах добровольческой активности есть своя «теневая» сторона. Наиболее яркий пример — «Чёрные копатели», собирательное название для поисковиков различных направлений, но так или иначе связанных с земляными работами (в поисках кладов, исторических артефактов, оружия, представляющих историческую и рыночную ценность). Это — весьма доходный и потому хорошо скрываемый вид «теневого добровольчества». А есть и просто «примазавшиеся», так называемые «безбилетники» или *free riders* [Morris and Mueller, 1992: 8-9, 36-40].

Добровольная деятельность и служба

Из теории сложных систем известно, что в самых разных сферах человеческой деятельности скорость и уровень адаптируемости к быстро меняющейся ситуации децентрализованных акторов (групп, организаций) намного выше, чем у иерархически организованных акторов. Но одно дело высокая теория, другое повседневная практика. Какой должен быть между ними мост? Российская практика уже не раз свидетельствовала, что сетевые системы не только действовали быстрее, находчивее, мобилизуя ресурсы, недоступные «вертикальным структурам» политического или социального действия, но давали более достоверную, а главное — *упреждающую* информацию о критических ситуациях на земле. Учитывая масштабы возможных последствий, сегодня прогноз, предупреждение аварий и катастроф такими группами — важный фактор сбережения жизни и имущества людей.

Я провёл блитц-опрос среди коллег-социологов: «Откуда берутся волонтеры?». Одни сказали, что это те, кому делать нечего, другие, что это — «назначенцы» (то есть кадровый резерв властных структур, по Шакировой). Да, есть и те, и другие, которые хотели бы или «примазаться» или «попиариться». Но тех и других — единицы. Основная масса добровольцев — это именно члены *самоорганизующихся групп* гражданского общества, которым и так постоянно приходится находиться среди людей, по большей части

так или иначе пострадавших, но прежде всего те, которые хотят не брать, а отдавать. Как требовал не только великий учёный, но и земский гласный и член конституционно-демократической партии России В. И. Вернадский: «надо быть в гуще жизни»¹. Помогать природе, социальным сообществам и отдельным людям восстанавливать законность и справедливость. Поэтому естественно, что в первую очередь это люди, работающие в самоорганизующихся некоммерческих и благотворительных организациях, а также многие журналисты и работники других свободных профессий. Этим они принципиально отличаются от людей бизнеса и чиновников (по терминологии дореволюционных российских историков – «служилых людей»), которые не только морально не склонны к добровольчеству, но которым корпоративная этика просто не позволяет это делать. Так что «цивильная служба» в принципе не мешает быть добровольцем – было бы на то желание.

Производство социально-экологического знания

П. Сорокин ввёл понятие «суперорганической культуры». Миллионы смыслов, выработанных человеческой историей, «накладываются на человеческий организм посредством супер-органической культуры». В этом, как пишет Сорокин, проявляется специфическая природа культурных или суперорганических явлений и удивительная роль «смысла» «в превращении биологических явлений в нечто, совершенно отличное от их биологической и физической природы» [Сорокин, 1992: 135].

«Интегральное познание означает..., что мы получаем <истинное> знание о действительности не только от эмпириков-учёных и мыслителей-логиков, но также и от великих религиозных и нравственных вождей, подобно Будде и Иисусу, Конфуцию и Лао-цзе, а также от великих деятелей искусства, таких как Бетховен и Бах, Гомер и Шекспир, Фидий и Микельанджело» [Сорокин, 1992: 134].

¹ Моя бабушка, детский врач Е. Л. Яницкая, в силу семейных обстоятельств большую часть своей жизни фактически работала добровольцем в школах и туберкулёзных санаториях для детей. В годы первой русской революции 1905-07 гг. она укрывала в своём доме в Киеве детей и взрослых от еврейских погромов, организованных «Чёрной сотней» и «Союзом Михаила Архангела» (О «волонтёрах» этих по существу экстремистских организаций см. подробнее в: [Laquer, 1993])

«Среди всех смысловых ценностей суперорганического мира есть одна высшая интегральная ценность – истинная *sumtum bonum*. Это невидимое единство Правды, Добра и Красоты.... Любой акт неэгоистической любви (добра) обогащает мир истины и красоты, и каждый шедевр красоты морально облагораживает и духовно просвещает членов человеческого общества... Поэтому главная историческая миссия человечества состоит в безграничном созидании, накоплении и усовершенствовании Истины, Красоты и Добра в самой природе человека, в человеческом уме и поведении, в суперорганическом мире человека и вне его, в отношении человека ко всем людям, ко всем живым существам и всей вселенной» [Сорокин, 1992, : 136]. Нарушение «равновесия в <этом> высшем триединстве величайших ценностей привело к взрыву индивидуального и группового эгоизма, а также к усилению и ужесточению межличностных и межгрупповых конфликтов: войн, революций, мятежей, преступлений и других выражений моральной анархии» [Сорокин, 1992: 137].

Поэтому в отличие от прошлых публикаций автора настоящей статьи на эту тему [Яницкий, 1996, 2013, 2014], где центральной задачей исследования было изучение структурно-функционального аспекта производства социально-экологического знания, в случае добровольчества на первое место следует поставить производство и распространение не практических знаний и навыков, а *идеалов любви, добра, взаимопомощи и справедливости*. Добровольцы, воспроизводя себя в этом качестве, воспроизводят ценности «делания добра» и личной ответственности за судьбу других людей, где бы они ни находились. Речь идёт о сознательном отказе от индивидуалистических ценностей в пользу ценностей гражданства, солидарности с членами общества, нуждающимися в неотложной помощи других. Я не побоюсь употребить громкое слово «жертвенность», потому что в данном случае типологически это более чем уместно. Жертвенность – индивидуальный акт, не противоречащий концепции свободного индивида. Но индивида не стяжателя, а индивида, ощущающего себя ответственным за судьбу других людей и природы. Как показало исследование катастрофы в Крымске, проведённое В. Костюшевым и его коллегами в 2012 г. [Костюшев, 2013], «платой» населения волонтерам за их работу был *самый высокий уровень доверия* к ним по сравнению со всеми другими категориями спасателей.

Какие именно знания производят и распространяют добровольцы – это сложный вопрос. Поскольку количество малых и больших несчастных случаев и катастроф не уменьшается, то типологически доброволец должен быть универсалом, «мастером на все руки». Вместе с тем, так как эти катастрофы воздействуют не только на людей, но и на среду их обитания (в профессиональной литературе используется термин «множественный поражающий эффект»), добровольцы должны обладать множеством знаний и практиче-

ских навыков. В соединении профессионального подхода с универсальными навыками оказания помощи («многознание+многорукость») – их непреходящая ценность для пострадавших. Тем самым подтверждается мысль С. Кравченко и С. Красикова о необходимости полипарадигмального подхода в изучении риска [Кравченко и Красиков, 2004].

Что же касается государственных волонтеров, то они, как было сказано выше, прежде всего, приобретали «неоценимый опыт управления персоналом» и, конечно, на основе полученного опыта совершенствовали его. У волонтеров этого типа другая мотивация: они заинтересованы в одобрении своих кураторов, их интересует карьера, продвижение по социальной лестнице. Поскольку, с теоретической точки зрения, Универсиада была не организмом, а искусственно сконструированным механизмом, срок жизни которого был ограничен двумя неделями, то эти волонтеры были нацелены на его поддержание. Окружающая природная и социальная среда могла их интересовать только с точки зрения выполнения поставленной перед ними задачи. И ещё один важный момент. Так как государственные волонтеры действовали в рамках инструкций, то фактически их деятельность – часть «ручного управления» в условиях нормы данного процесса. Если бы на Универсиаде произошло какое-нибудь чрезвычайное происшествие или, не дай Бог, катастрофа, то эти волонтеры были бы срочно заменены силами МЧС и других спасателей.

Добровольцы и социальные движения

Все действительные, то есть не организованные и спонсируемые государством движения являются добровольными. Однако в реальной жизни большинство общественных движений, чтобы выжить и привлечь людские и материальные ресурсы, вынуждены становиться хотя бы полупрофессиональными, тем самым суживая своё поле деятельности. Более того, наблюдая за развитием российского экологического движения на протяжении более 30 лет, я пришёл к выводу, что оно, так или иначе, политизируется [Yanitsky, 2010, 2012]. Добровольцы первого вида, не участвуя в каких-либо общественных и, тем более, политических движениях, могут работать на массовых кампаниях (и не только), выполняя свою обычную миссию самой разной гуманитарной помощи их участникам. Одним из лучших примеров массового гуманитарного

движения волонтеров являются «Босоногие врачи» – молодые кубинские офтальмологи и другие специалисты (кстати, большинство из них училось в СССР), помогавшие беднейшим слоям населения в Бразилии, Венесуэле и других странах Латинской Америки излечиться от трахомы и других распространённых там заболеваний. В мире существует и одноимённое добровольческое движение, основанное на принципах даосизма, буддизма и гуманизма [Босоногий доктор, 2010].

О политическом участии добровольцев

Как отмечалось выше, добровольцами и добровольческими формированиями могут быть как военизированные, так и гражданские силы. К сожалению, история России такова, что долгое время в ней преобладали первые, а затем государственно-ориентированные волонтерские формирования, которые выступали с определённой политической программой или просто становились воинским подразделениями. Были вооружённые добровольческие формирования и в современную эпоху (добровольческие группы в Косово и Сербии, в период первой и второй Чеченских войн, вооружённого противостояния в Приднестровье, «Приморские партизаны», то есть вооружённый отряд молодёжи, боровшийся против милиции и др.). Но все они и им подобные, за исключением периода Гражданской войны в России в 1918-22 гг., чаще всего были лишь косвенными участниками политических процессов. Иногда это были просто наёмники, в других случаях, напротив, люди с острым чувством несправедливого устройства миропорядка.

Сегодня, в связи с развитием добровольческого (волонтерского) движения после ряда природных и техногенных катастроф государство активно стремится сформировать корпус про-государственных волонтерских образований. Примером являются уже упомянутая Универсиада 2013 г. в Казани, а также XXII Олимпийские игры в Сочи 2014 г., которые являются, несомненно, не только спортивным, но и важнейшим политическим событием в стране и мире. На играх в Сочи работали 25 тыс. волонтеров, что составляет почти 30% от всего персонала, обслуживавших это мероприятие. Перед этим «золотая сотня» волонтеров сочинских игр прошла тренинг на Олимпийских играх в Лондоне 2012 г, где они получили самый разнообразный опыт работы, начиная от обслуживания соревнований и до работы транспорта [Волонтеры, 2014].

Более того и в мире, и в России практически все социальные движения так или иначе были вовлечены в политические процессы. Но вектор и масштаб подобной «неполитической политики» может быть различен. Так, известное массовое движение «Запатиста» в Мексике в середине 1990 гг.

начиналось как вооружённая борьба за права крестьян, но позже его лидеры стали частью политической системы страны [Olsen, 2005]. Как говорит автор, в случае гражданского общества его политическая деятельность основана на прямой солидарности и взаимном информировании гражданских групп [Olsen, 2005: 53-75]. Ещё раньше политическую деятельность гражданского общества У. Бек назвал «суб-политикой» или «неполитической политикой» [Beck, 1992]. Тот же феномен «неполитической политики» мы обнаруживаем в ряде стран Латинской Америки, прежде всего в Боливии. Наконец, почти 40-летний опыт российского экологического движения, из среды которого выделилось несколько политических партий или фракций в парламентских партиях, и совершенно другой опыт «Евромайдана» в Украине, в сущности, говорят об одном и том же. Определить истинный политический масштаб добровольческого движения (даже если считать, что его часть спонсируется из-за рубежа) можно только исходя из тех теоретико-методологических подходов, о которых говорили У. Бек и Т. Олсен. Так что утверждение, что российское гражданское общество пребывает в настоящее время «в аморфном состоянии» [Козырева, Смирнов, 2013: 75] представляется мне, по меньшей мере, дискуссионным. Изучая добровольческое движение методом сетевого анализа, мы получим совершенно другие результаты.

Выводы

Добровольчество в его высшем нравственном смысле есть, используя терминологию П. Сорокина, *«неэгоистическая творческая любовь, которая... представляет собой потенциально огромную силу»*. «В настоящий катастрофический момент человеческой истории увеличение *производства, накопления и циркуляции энергии любви* или заметная альтруизация личностей и групп, институтов и культуры есть необходимое условие предотвращения новых войн и смягчения конфликтов между индивидами и группами»... Сегодня увеличение «неэгоистической творческой любви – это первостепенная задача человечества» (выделено мною, О. Н.) [Сорокин, 1992: 139].

В практическом плане добровольчество означает бескорыстную помощь людей другим людям, попавшим в беду, независимо от их социальной принадлежности и политической ориентации. Классический пример добровольчества – это деятельность меди-

цинской организации «Врачи без границ». Но в истории и в современной жизни всегда были добровольцы «по эту и по ту сторону баррикад». Недавние события в Украине ещё раз подтверждают возможность подобного размежевания. Не исключён и случай, когда добровольная бескорыстная помощь, собранная или организованная в одном месте, по прибытии в пункт назначения использовалась далеко не в гуманитарных целях, или просто разворовывалась.

Добровольцы одновременно производят и распространяют морально-этические ценности гражданской ответственности за события в любом месте и времени. И одновременно в ходе своих действий производят и передают другим практические знания о методах и средствах «делания добра», оказания гуманитарной помощи.

В современной России государство, видя нарастающую силу добровольчества, стремится подчинить её себе, заорганизовать, сделать частью государственной машины. При этом неизбежно сила и опыт индивидуальных устремлений вводятся в жёсткое русло политических рамок, устанавливаемых в каждом отдельном случае государственными или муниципальными чиновниками. Поэтому автор счёл необходимым ввести разделение на гражданских и государственных волонтёров. Если отличительный признак первых – самоорганизация, то для вторых – это подчинение организующей и направляющей воле государства.

Добровольцы в лучшем смысле этого слова – чрезвычайно ценный культурный фонд России именно потому, что в их деятельности соединились высокая мораль, междисциплинарное знание и умение его применять в самых разных критических обстоятельствах. Будет очень прискорбно, если это гуманитарное движение попадёт под железную пяту нашей политической бюрократии.

Литература

Антохин Е. Ю., Будза В. Г., Горбунова М. В. Волонтёрское (добровольческое) студенческое движение в психиатрии – направление психосоциальной помощи больным // Социальная и клиническая психиатрия. 2011. т. 24, № 4 с. 65-78.

Антохин Е. Ю., Будза В. Г., Горбунова М. В. Добровольцы в психиатрии. [Электронный ресурс] // Российское общество психиатров URL: <http://www.psychiatr.ru> (дата обращения: 19.02.2014).

Барто А. Найти человека. М.: Советский писатель, 1969.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года. М.: Эксмо, 2012.

Большой толковый словарь официальных терминов. М.: АСТ, Астрель, Гранзиткнига, 2004. 1154 с.

Босоногий доктор (псевдоним). Жизнь: зарядное устройство. М.: Рипол классик, 2010. 320 с.

Волонтёры [Электронный ресурс] // Sochi2014.ru URL: <http://vol.sochi2014.com/> (дата обращения: 06.03.2014).

Деникина М. А. Воспоминания дочери. Историческое расследование. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 272 с.

Дирекция Универсиады [Электронный ресурс] // XXVII Всемирная летняя Универсиада 2013 в Казани URL: http://www.kazan2013.com/ru/team_directorate (дата обращения: 26.02.2014).

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии. М.: Наука, 1968. 439 с.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Политическое участие и особенности развития политической активности в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. с. 53-76.

Костюшев В. В. Социология бедствия // Новая Газета, 28 августа 2012 г.

Кравченко С. А., Красиков С. А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004.

Кропоткин П. А. Этика: избранные труды. М.: Политиздат, 1991.

Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. с. 118-124.

Отряд имени Лизы Фомкиной [Электронный ресурс] // Liza Alert URL: <http://lizaalert.org/> (дата обращения: 18.02.2014)

Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. с. 134-139.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак, 2004.

Шакирова А. Универсиада 2013: взгляд изнутри [Электронный ресурс] // ГБУ «Центр перспективных экономических исследований» Академии наук РТ URL: <http://cpei.tatarstan.ru/rus/index.html/news/225994.htm> (дата обращения: 20.02.2014).

Шмелёв И. Памяти «непреклонного». В кн.: Деникина М. А. Воспоминания дочери. Историческое расследование. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. с. 293-295.

Яницкий О. Н. Концепт производства экосоциального знания // Социологические исследования, 2014, № 4 (в печати).

Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый Хронограф, 2013.

Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996.

Экологической архив О. Н. Яницкого / Институт социологии РАН – 2014, 2233 с. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН URL: <http://wwf.isras.ru/publ.html?id=2983> (дата обращения: 20.02.2014).

Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 1992. 260 p.

Laquer W. Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. N.Y: Harper Collins Publishers. 1993. 317 p.

Morris A and Mueller C. eds Frontiers in Social Movement Theory. London: Yale University Press. 1992. 400 p.

Olsen Th. International Zapatismo. The Construction of Solidarity in the Age of Globalization. L.: Zed Books. 2005. 243 p.

Yanitsky O. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: TAUS. 2010. 360 p.

Yanitsky O. From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960-2010. Environmental Politics. 2012. 21 (6). p. 922-940.